

Е. А. Островская

Транснациональный подход к анализу этнорелигиозных конфликтов (Центральноазиатский узел)

Анализ текущих публикаций и материалов конференций и симпозиумов по проблемам экономической и политической реструктуризации глобального мира, международной безопасности, этническим и религиозным конфликтам, гражданским правам и свободам национальных меньшинств показывает, что одной из ключевых тем, вызывающих неизменный интерес экспертного сообщества, выступает обсуждение геополитического соперничества США и Китая. Неотъемлемой компонентой этого обсуждения оказывается живейший интерес к судьбам национальных меньшинств, проживающих в Тибетском автономном районе (ТАР) и Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР. Примечательно, что внимание политологов и журналистов-международников, экономических, политических и военных аналитиков сосредоточено по преимуществу на прогнозировании возможных решений «тибетской проблемы» и «уйгурского вопроса» в контексте взаимоотношений Вашингтона и Пекина. Однако в реальности возобновляющихся время от времени всплеск этнорелигиозных и этнических конфликтов в ТАР и СУАР прогнозирование такого рода не является продуктивным ни в аспекте их профилактики, ни в аспекте их возможного развития.

Серьезное методологическое затруднение регулярно публикуемых прогнозов ситуации в ТАР и СУАР состоит, на мой взгляд, в том, что вне фокуса анализа оказывается фактор транснационального формата тибетской проблемы и уйгурского вопроса. Рассмотрение обоих источников конфликтности, созвучное радикально изменившимся реалиям глобальной политики, предполагает осмысление новых этнических и религиозных консолидаций, возникших во второй половине XX в., и их роли в процессе конструирования мультиполярного мира.

В пространстве современного геополитического соперничества мировых и региональных супердержав провокация этнорелигиозного конфликта фактически стала одной из вполне приемлемых форм принуждения к манипулятивному диалогу. Его участниками с необходимостью делаются те государства, на территории которых имеются политически конфликтные этноменьшинства, отстаивающие свои права на политическое и национальное самоопределение. Путем обсуждения вопросов о соблюдении прав человека и национальных меньшинств в отдельно взятой стране, степеней демократизации конкретного государства, гражданских прав и возможностей детерриторизированных сообществ в борьбе за самоопределение глобальная публичность навязывает релевантные ей политические тематики. В этом контексте удобным способом разворачивания геополитического соперничества и выступает провокация локальных этнорелигиозных конфликтов. А ее новым инструментом становятся транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий и этнического национализма.

В целях построения методологии выявления и раннего предупреждения этно-религиозных конфликтов глобального масштаба целесообразным представляется использовать ресурс введенной мною концепции «транснациональные коммуникативные сети»¹. Эта концепция позволяет определить ангажемент конкретно взятого этнорелигиозного конфликта в его актуальном или потенциальном развитии, ключевых участников, проанализировать его цели и возможные международные следствия.

Транснациональные коммуникативные сети: ключевые понятия. Транснациональные коммуникативные сети (далее — ТКС) — это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми гражданскими организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют единое пространство глобального дискурса.

ТКС играют значительную роль в формировании идеологического сектора глобального сообщества. Они тематически структурируют глобальный публичный дискурс, поскольку являются инструментом актуализации локальных проблем и их продвижения на глобальный уровень международного обсуждения. ТКС образуют ту систему смысловых координат, в которой формируются содержание и конфигурация конфликта и может производиться внешнее управление конфликтным процессом.

ТКС обеспечивают системный менеджмент конфликта в широком диапазоне таких мероприятий, как преднамеренная провокация конфронтирующих сторон или их заблаговременное умиротворение, внешнее дипломатическое или силовое давление на враждующие стороны, шантаж международного сообщества террористической угрозой и вспышками экстремизма, вовлечение в конфликт третьих стран и т. д.

В системном глобальном менеджменте религиозных конфликтов заслуживают самого пристального внимания ТКС традиционных религиозных идеологий, поскольку именно религиозный конфликт способен аккумулировать значительный потенциал насилия, реализующегося в локальном вооруженном противостоянии и в глобальных террористических откликах. В ситуации геополитических взаимоотношений стран восьмерки и региональных сверхдержав (КНР, Индии, Ирана) — процесса, протекающего на фоне неработоспособности Договора о нераспространении ядерного оружия, системный менеджмент религиозных конфликтов приобретает особую актуальность.

Применительно к анализу роли ТКС традиционных религиозных идеологий в глобальной тематизации конфликтов необходимо учитывать типологическое

¹ См.: Островская Е. А. Транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий: к определению понятия // Проблемы теоретической социологии, вып. 7, под ред. А. О. Бороноева. СПб., 2009; Островская Е. А. Онтология религиозного конфликта: транснациональная коммуникативная сеть // «Хора». Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики Курского государственного университета. 2009, № 1.

различие таких сетей. Эти сети подразделяются на два типа: собственно религиозные, сформировавшиеся до 1961 г., и новые этнорелигиозные, сконструированные позднее. Старые религиозные ТКС — это сети, созданные христианскими конфессиями (католические, протестантские, православные, автокефальные), направлениями ислама, идеологами иудаизма и т. д. Они возникли исторически для решения внутррелигиозных проблем (хотя это и не исключает возможности их использования в целях современной геополитической конкуренции).

Этнорелигиозные ТКС: динамика институционализации. Возникновение сетей этого типа напрямую связано с центральными событиями всемирной политической истории: разрушением биполярного мира, политическим оформлением Евросоюза, выдвижением новых ядерных государств, появлением новых детерриторизированных сообществ, открытием границ, глобальным навязыванием концепта «гражданское общество». С 1990-х гг. идеологическое пространство геополитики начинает выстраиваться с учетом процессов экономической и политической глобализации, одним из результатов которой являются этнорелигиозные транснациональные коммуникативные сети.

Этнорелигиозные ТКС — это сети, целенаправленно сконструированные в перспективе глобального системного менеджмента конфликтов. Динамика их конструирования прослеживается в трех этапах: 1961—1980 гг. — структурирование новых детерриторизированных этносообществ; 1980—1990 гг. — создание транснациональных негосударственных гражданских организаций (НГО) и религиозных негосударственных гражданских организаций (РНГО), связанных с детерриторизированными этносообществами; 1990—2000 гг. — концептуализация глобализации и норм глобального публичного дискурса по проблемам детерриторизированных сообществ, стран исхода беженцев и принимающих их стран.

В результате завершения этих трех этапов этнорелигиозные ТКС получили возможность принуждать к диалогу в формате глобального дискурса правительственные организации стран исхода беженцев и принимающих стран. Рассмотрим эту динамику подробно. В 1961 г. США выдвинули в формате биполярного мира концепцию развязывания неядерных локальных войн как метода опосредованного соперничества с СССР на территориях развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Данная концепция была предварительно изложена в монографии Г. Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», опубликованной в 1957 г.² С этого времени Запад в лице разнообразных национальных и международных организаций начал целенаправленно заниматься проблемами детерриторизированных сообществ³, возникавших на протяжении XX в., а именно вопросами сохранения их этнорелигиозной идентичности, мониторингом социально-экономической адаптации в принимающих странах, выяснением степени заинтересованности в репатриации и т. д.

² См.: Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y., 1957.

³ Термин, предложенный А.Аппадуром для описания новых диаспор, см.: Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis. London, 1998.

В 1980-х гг., когда в Польше началась активизация независимого профсоюза «Солидарность», поддержанная Ватиканом, на Западе возродилась научная дискуссия о гражданском обществе⁴, в частности, о роли его третьего сектора — независимых гражданских организаций (первый сектор — правительственные организации, второй — коммерческие). В этом контексте был выдвинут и легитимирован тезис о необходимости международного гражданского контроля над деятельностью правительств национальных государств в аспекте соблюдения прав человека, национальных и этнорелигиозных меньшинств.

Именно в этот период активно создавались транснациональные правозащитные независимые гражданские организации (НГО) и те религиозные независимые гражданские организации (РНГО)⁵, которые по своей религиозной принадлежности были связаны с теми или иными детерриторизированными сообществами (этнорелигиозными диаспорами). Наряду с ними конструировались гендерные НГО по защите прав женщин, НГО «узников совести» (бывших политзаключенных), а также молодежные НГО борцов за политическое и национальное самоопределение «насилованно присоединенных территорий».

На этом этапе были установлены связи этнорелигиозных диаспор с транснациональными НГО и правозащитными либерально-демократическими организациями в странах Запада. Структурировались и линии финансирования этих связей.

В 1990—2000 гг. после серии «бархатных революций» и ликвидации СССР международное геополитическое соперничество приобрело новое содержание — «противостояние Запада с остальным миром». В такой формулировке оно было представлено проф. Гарвардского университета С. Хантингтоном в его программной работе «Столкновение цивилизаций», опубликованной на русском языке в 1994 г. Управление объективным процессом становления единого мирохозяйственного комплекса развернулось по западной модели глобализации — рыночная экономика гибкого накопления плюс либерально-демократическая система ценностей.

Внедрение западной модели глобализации потребовало реорганизации международного диалога в направлении однозначного принятия западной глобализационной модели⁶. С этой целью и был инициирован процесс конструирования

⁴ Подробное рассмотрение роли движения «Солидарность» в перспективе возрождения идеологического концепта «гражданское общество» см.: Cohen Jean L., Arato A. *Civil Society and Political Theory*. Massachusetts, 1994, p. 31–36.

⁵ Понятие РНГО разработано Джулией Бергер и введено в статье «Религиозные неправительственные организации: исследовательский анализ». См.: Berger J. *Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis* // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 14, No 1, March 2003, p. 16.

⁶ Подробный анализ концептуальных составляющих идеологически ангажированных концепций глобализации см.: Островская Е. А. *Глобализация культуры* // *Теория культуры*. Учебное пособие под редакцией С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб., 2009, с. 546–566.

глобального публичного дискурса, базирующегося на определенных «научно апробированных» принципах. Именно для реализации данной цели в дискуссии международного научного сообщества и были брошены следующие темы: глобализация — это естественно-исторический процесс, начавшийся в период великих географических открытий (Р. Робертсон, 1994 г.), лидером глобализации является евро-американская цивилизация (С. Хантингтон и П. Бергер, 2002 г.)⁷, процесс экономической глобализации автоматически порождает возникновение глобального гражданского общества по либерально-демократическому образцу (авторский проект Лондонской Школы Экономики, 2000—2006 гг.)⁸.

Квазинаучная легитимация западной модели глобализации как единственно возможной, а, следовательно, нормативной, создала формат глобального коммуникативного пространства. В этом формате локальные проблемы с необходимостью выводились на уровень глобального публичного обсуждения. Смысл этого обсуждения сводился к фактическому опрокидыванию норм международного права и прежде всего права национальных государств на невмешательство в их внутренние дела. На этом этапе этнорелигиозные ТКС и были задействованы в качестве инструмента глобальной тематизации конфликтов и их системного менеджмента.

Заданный глобальным публичным дискурсом контекст сделал возможным привлечение этнорелигиозных ТКС в качестве активных участников. Именно благодаря их выходу на арены публичных дискурсов стало очевидным, что этнорелигиозные ТКС не исчерпываются своими сконструированными элементами (диаспоры, НГО и РНГО). Вышли из тени другие их элементы — правительственные организации стран исхода и принимающих стран. Эти, прежде остававшиеся за кулисами участники оказались объективно втянутыми в либерально-демократическую рамку обсуждения конфликтной проблемы.

Интересы и векторы активности участников этнорелигиозных ТКС. Коммуникативный вклад детерриторизированных этносообществ (диаспор) в функционирование ТКС опосредован их насущной потребностью быть допущенными к участию в глобальной политической и гражданской публичности. От этого участия напрямую зависит сохранение и воспроизводство подобных этносообществ в политическом, социально-экономическом и культурном измерениях. Необходимым условием их включения в глобальную публичность выступает наличие политически конфликтной идентичности — «стигматической» идентичности национальных меньшинств, страдающих и борющихся за свои права и самосохранение.

⁷ См.: Бергер Питер Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004, с. 8—24.

⁸ Здесь имеются в виду прежде всего постоянные авторы «Ежегодника Гражданское Общество», регулярно издаваемого Лондонской Школой Экономики, начиная с 2001 г. См., например: Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.). *Global Civil Society*. Oxford, 2001.

В силу экономических, политических и геополитических факторов правительства стран исхода и принимающих стран с необходимостью оказываются вовлеченными в разнообразные взаимодействия, нацеленные на профилактику и регулирование проблемы национальных меньшинств в локальном (государственном) и транснациональном формате. В перспективе анализа коммуникационного менеджмента религиозных конфликтов принципиально важно учитывать, что спонтанно инициируемый национальными правительствами институциональный дискурс о правах национальных и религиозных меньшинств есть еще и форма контроля глобального пространства идеологий.

Деятельность религиозных НГО в странах исхода и в принимающих странах нацелена на активное влияние в политической и гражданской сферах по вопросам прав человека, устойчивого развития, управления, экологии, миротворчества и т. д. Однако векторы транснационального развертывания такого влияния задаются их взаимодействием с детерриторизированными этносообществами. Как правило, в гражданскую и политическую публичность РНГО вбрасывают лишь те темы, которые актуальны для текущей ситуации геополитического соперничества мировых и региональных сверхдержав.

Таким образом, основными участниками этнорелигиозных ТКС выступают детерриторизированные этносообщества / новые диаспоры (1), правительства стран исхода (2) и «правительства в изгнании» (3), правительства принимающих стран (4), религиозные и секулярные независимые гражданские организации (РНГО и НГО) принимающих стран и стран исхода (5). Интересы и векторы активности этих участников ТКС образуют ту систему координат, в которой становится возможным провокация конфликта или его имитация, реальное управление и прекращение.

К вопросу о политической конфликтности тибетского и уйгурского проектов. До 2000-х гг. уйгурский вопрос и тибетская проблема развивались, казалось бы, как абсолютно автономные геополитические проекты США и их союзников. Однако их все-таки объединяла стратегическая ставка Запада и прежде всего США на создание политически конфликтных детерриторизированных сообществ, консолидированных по этнорелигиозному признаку.

Применительно к тибетской диаспоре 20 лет усилий Запада не пропали даром. Волнения в ТАР в марте 2008 г. и воследовавший за ними отклик международной общественности доказали, что ТКС тибетского буддизма не только успешно функционирует, но и может быть задействована в решении геополитических задач. Основными участниками этой сети выступают:

- тибетская диаспора (анклавы тибетских беженцев и их потомков в Индии, Непале, Бутане, Ладаке, Сиккиме, в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Швейцарии, ФРГ, Франции, Великобритании, Норвегии, Дании, Нидерландах, Италии, на Тайване, в Японии, в США); к тибетской диаспоре также относятся и выходцы из Южноазиатских анклавов, которые с 1990-х гг. начали переселяться на территорию РФ — в Бурятию, Калмыкию, Туву, Москву и Санкт-Петербург;

- администрация КНР;
- тибетское правительство в изгнании, или «Центральная Тибетская администрация» (далее — ЦТА);
- администрации государств, на территории которых проживают тибетские беженцы;
- независимые гражданские организации: международные буддийские НГО, тибетские этнические НГО и международные НГО в поддержку политического самоопределения Тибета.

Конфликтное взаимодействие указанных участников сети определяется целями и интересами каждого из них и конкретным содержанием международной политической ситуации, в которую может быть вовлечен тибетский фактор.

Применительно к ТКС тибетского буддизма следует говорить о сформированных под патронажем Запада четырех ключевых компонентах ее политической конфликтности:

- геополитическая востребованность претензии тибетского детерриторизированного сообщества на культурную и национальную автономию в пределах территориальных границ КНР;
- политизация пакета риторики и дискурса о «тибетской проблеме» («тибетский народ в изгнании», «права тибетского этноменьшинства», «независимость Тибета», «культурный геноцид в Тибете»), что свидетельствует о превращении тибетской проблемы в объект применения технологий глобального коммуникационного манипулирования;
- регулярно возобновляющиеся акты демонстрации транснационального потенциала конфликтности ТКС тибетского буддизма, к числу которых несомненно относятся широко освещавшиеся в СМИ мартовские события 2008 г. в ТАР;
- нацеливание деятельности ТКС тибетского буддизма на эскалацию этнорелигиозного конфликта в странах Южной Азии.

При анализе участия РФ в активности ТКС тибетского буддизма, а, следовательно, и в поиске стратегий профилактики этнорелигиозной конфликтности данной сети, важно концентрировать внимание на следующих аспектах. Россия оказалась участницей ТКС тибетского буддизма по факту присутствия в ее составе буддийских регионов — Бурятии, Калмыкии, Тувы, ориентированных ныне в идеологическом плане на тибетскую диаспору⁹. Финансируемая Западом идеологическая активность эмигрантов тибетской диаспоры в указанных российских регионах имела своим результатом в 2008 г. солидаризацию этнических бурятских, калмыцких, тувинских буддийских НГО с политически конфликтными выступлениями в анклавах тибетских беженцев и волнениями в ТАР. Это способствует росту антикитайских настроений в таких НГО и заставляет предположить,

⁹ Подробно об этом см.: Островская Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России. Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2009, с. 294–328.

что хорошо спланированные и разрекламированные в СМИ акции международных организаций по борьбе за политическое самоопределение Тибета могут получить незамедлительный отклик на территории РФ как в формате протестных митингов и пикетов у посольства КНР и китайских консульств в российских мегаполисах, так и в проявлениях насилия в отношении китайских гастарбайтеров, деятелей торговли и сферы услуг.

Кроме того, именно Москва инициировала процесс строительства евразийского геополитического треугольника Россия—Индия—Китай, дополненного в лице Бразилии трансатлантическим компонентом. Такая конструкция способна в не столь отдаленной перспективе составить противовес глобальному доминированию США. Ее сохранение и укрепление отвечает экономическим и политическим интересам России и одновременно служит фактором сглаживания острых углов и снижения напряженности в отношениях между Пекином и Дели. Не последним пунктом этой напряженности являются многолетние трения по вопросу о спорных территориях по «линии фактического контроля» (так называемой линии Макмагона), где исторически проживают тибетцы, а также располагаются анклав тибетских беженцев. В 2008 — первом полугодии 2009 г. этот вопрос актуализировался с новой силой, причем именно в связи с протестными акциями тибетских анклавов в Южной Азии — в Индии, Непале, Ладаке и Бутане.

Векторы активности, цели и интересы администрации КНР — страны исхода, выявляются в ее жесткой позиции по отношению к тибетским беженцам и их религиозно-идеологическому лидеру Далай-ламе XIV, а также в неприятии каких-либо попыток вмешательства глобального сообщества во внутренние дела страны.

Наряду с этим необходимо учитывать, что Пекин манипулятивно использует фактор тибетской этнорелигиозной конфликтности для усиления давления на Индию и те страны Евросоюза, правительства которых в той или иной форме потрафляют рекламе антикитайской борьбы тибетской диаспоры. Нарастание напряженности во взаимодействии Индии и Китая по вопросу о спорных территориях по «линии фактического контроля» дает основания полагать, что в управляемый этнорелигиозный конфликт будут вовлечены этнические тибетцы и тибетские беженцы, проживающие в Индии, Непале, Бутане, Сиккиме, Ладаке.

Участие стран Запада, преимущественно США и ФРГ, в ТКС тибетского буддизма обусловлено исторически сложившимся геостратегическим интересом к Тибету, чем и мотивировано их стремление заблаговременно обеспечить себе соответствующий инструмент политических манипуляций в Центральной Азии. В течение ряда десятилетий они вкладывали усилия в создание ТКС тибетского буддизма. К настоящему времени окончательно оформились такие ключевые ее компоненты, как политически конфликтная тибетская диаспора во главе с Далай-ламой XIV; эмигрантская политическая структура — Центральная Тибетская Администрация (ЦТА); разнообразные тибетские и международные правозащитные НГО, ратующие за политическое самоопределение Тибета; общины буддистов-конвертитов в различных национальных государствах.

Первая апробация радикальной политической активности ТКС тибетского буддизма состоялась весной 2008 г., когда протестные волнения в ТАР были успешно синхронизированы с эпизодами антикитайских провокаций, направленных против проведения Олимпиады в Пекине. После закрытия олимпийских состязаний эта активность продолжала набирать обороты: в ноябре 2008 г., несмотря на дипломатические протесты МИД КНР в адрес Дели, в индийском городе Дхармсале был устроен экстренный референдум «всего тибетского народа», призванный выработать стратегию борьбы за национальное самоопределение. Можно прогнозировать, что обретенная благодаря референдуму «всего тибетского народа» религиозно-идеологическая легитимация любых действий сети позволит борцам за независимый Тибет в случае необходимости провести полномасштабную консолидированную подготовку новых волнений в ТАР.

Выявление активности участия США в продвижении тибетской проблемы на глобальный уровень и в актуализации потенциала конфликтности ТКС тибетского буддизма предполагает учет и анализ тех перспективных программ, которые уже приняты Вашингтоном на 2010–2012 гг. Так, 10 июня 2009 г. палатой представителей Конгресса США была одобрена резолюция под названием ‘Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 2010 and 2011’, нацеленная на «обеспечение дальнейшего продвижения тибетско-китайского диалога и укрепление дипломатического присутствия США в проблеме Тибета». Согласно указанному документу, в течение 2010–2011 гг. посольству США в КНР надлежит сформировать тибетский отдел, который будет следить за развитием ситуации в политической, экономической и социальной сферах ТАР и тех провинциях КНР, где проживают тибетцы. Этот мониторинг планируется продолжать до тех пор, пока не откроется консульство США в столице ТАР Лхасе.

Резолюция утвердила также государственное финансирование программ поддержки тибетцев: расходы на предоставление грантов американским неправительственным организациям, занимающимся вопросами сокращения бедности, сохранения культуры, а также защиты окружающей среды на Тибетском плато; образовательные программы для тибетских студентов и аспирантов; обеспечение работы штата офиса специального координатора по тибетским вопросам в Госдепартаменте США.

В целом данный документ демонстрирует позицию США как одного из главных патронов политически конфликтной тибетской диаспоры. Вашингтоном не принимаются к сведению ни протесты со стороны Пекина против принятия этой программы, ни публичные заявления президента Барака Обамы о необходимости развития позитивного взаимодействия США и Китая.

Весьма значимым признаком участия стран Запада в поддержании конфликтного потенциала ТКС тибетского буддизма является регулярный массмедийный мониторинг и политическая реклама тибетской проблемы. Так, например, каждому визиту Далай-ламы XIV в Европу неизменно сопутствует эскала-

ция антикитайских настроений, осуществляемая западными и международными СМИ. Неотступно воспроизводится при этом один и тот же стандартный по своему содержанию пакет обвинительной риторики в адрес администрации КНР: «тоталитарный режим», попрание прав человека и демократических свобод граждан в ТАР и СУАР, культурный, религиозный и этнический геноцид национальных меньшинств. Именно западные СМИ настоятельно формируют в виртуальном пространстве глобальной публичности образ вполне легитимной и политкорректной национальной борьбы тибетцев за свои гражданские права и демократические свободы. На деле такая масс-медийная деятельность служит разжиганию этнорелигиозного конфликта в ТАР и странах Южной Азии, где расположены анклавы тибетских беженцев или издавна проживают этнические тибетцы¹⁰.

Обратимся теперь к уйгурскому фактору в диалоге США и Китая и рассмотрим ТКС уйгурского национализма. Основными ее участниками выступают:

- уйгурская диаспора (анклавы уйгурских беженцев и их потомков в Турции, Саудовской Аравии, Иране, Афганистане, Египте, в США, Германии, Бельгии, Австралии, Канаде, Великобритании, Швеции, Норвегии, Италии, на Тайване, в Японии; к уйгурской диаспоре также относятся и уйгурские анклавы Казахстана, Кыргызии, Таджикистана, Узбекистана, образовавшиеся еще в период существования этих стран в составе СССР);

- администрация КНР как правительство страны исхода беженцев;
- Всемирный уйгурский конгресс (ВУК), выполняющий функции правительства в изгнании;
- администрации государств, на территории которых проживают уйгурские беженцы;

- независимые гражданские организации: международные уйгурские НГО, уйгурские этнические НГО и международные НГО в поддержку политического самоопределения Восточного Туркестана (то есть СУАР).

Востребованность ТКС уйгурского национализма в современном международном ангажементе принуждения к политическому диалогу обуславливают следующие составляющие ее политической конфликтности:

- поддерживаемые Западом геополитические претензии уйгурского детерриторизированного этносообщества на культурную и национальную автономию в пределах территориальных границ КНР;

- экстремистский и правозащитный форматы глобального дискурса об «уйгурском вопросе»: «независимость Восточного Туркестана», «построение пантюр-

¹⁰ Подробнее по проблеме синхронизации этнорелигиозного конфликта в ТАР и странах Южной Азии см.: Островская Е. А. Транснациональная сеть тибетского буддизма как инструмент эскалации этнорелигиозного конфликта // Вестник Аналитики. Журнал аналитических материалов. М., 2009, № 1 (35).

кистского государства», «уйгурский народ в изгнании», «права уйгурского этноменьшинства», «культурный и религиозный геноцид в СУАР»;

- многолетний опыт провокаций этнорелигиозных и этнических конфликтов в СУАР, следовавших с завидной регулярностью на протяжении 1980-х и 1990-х гг. В этом контексте июльские волнения 2009 г. в Урумчи и глобальный отклик уйгурских анклавов, этнических и правозащитных НГО следует интерпретировать как акт демонстрации транснационального потенциала конфликтности ТКС уйгурского национализма;

- реструктуризация деятельности ТКС уйгурского национализма, ее консолидация с ТКС тибетского буддизма — новый разворот программы системной политической дестабилизации в Центральной Азии.

Векторы активности, цели и интересы администрации КНР — страны исхода беженцев выявляются только при учете стратегических позиций Пекина по уйгурскому вопросу. Начиная с 1955 г., когда по инициативе КНР с политической карты мира исчезло государство Восточный Туркестан и появился СУАР, Пекин занял жесткую позицию по уйгурскому вопросу, объявив его внутренним делом страны. На протяжении десятилетий администрация КНР зорко отслеживает ситуацию в уйгурской диаспоре и регулярно осуществляет демонстративные акции принудительной депортации уйгурских беженцев из принимающих стран. Пекин оказывает давление на правительства этих стран, профилируя выдачи паспортов и видов на жительство уйгурским иммигрантам, которые квалифицируются китайской администрацией в качестве политических диссидентов, шпионов и т. п.

Сообразуясь с интересами собственной территориальной целостности и идеологической консолидированности, КНР задействует уйгурский вопрос в международном контексте, оперируя им в отношениях со странами Запада и исламского Востока. Примером тому служит осуществленный Пекином в середине 1990-х гг. уйгурско-курдский размен с Турцией, которая в ситуации формирования новых геополитических альянсов предпочла на время дистанцироваться от своих западных партнеров. Смысл этого шага КНР становится понятным, если учитывать тот факт, что до середины 1990-х гг. развитием уйгурского проекта активно занималась только Турция — партнер США по членству в НАТО. Турция предоставляла уйгурам гражданство, финансировала создание уйгурских политических организаций и потрафляла возвращению националистической идеологии уйгурского сепаратизма. Под давлением Пекина турецкое правительство в 1998 г. официально заявило о своем признании СУАР неотъемлемой частью КНР и о запрете на любые антикитайские выступления уйгурской диаспоры на территории Турции, а также о решении более не предоставлять гражданство уйгурским беженцам. Созданные и функционировавшие в Турции уйгурские НГО борцов за независимость Восточного Туркестана были вынуждены искать себе новые места дислокации.

Другим вектором активности администрации КНР является осуществленная с подачи Пекина международная квалификация головных эмигрантских уйгурских НГО в качестве террористических. Используя западную риторику борьбы с международным терроризмом и исламским экстремизмом, Пекин сумел в 2002 г. заручиться согласием США и ООН квалифицировать головные организации уйгурской диаспоры в качестве международных террористических сообществ.

Анализ интересов и целей администрации КНР как участника ТКС уйгурского национализма должен учитывать и тот факт, что именно Пекин инициировал принятие программы ШОС по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом и выработку консолидированной позиции стран-участниц ШОС по уйгурскому вопросу. Новые независимые государства Центральной и Средней Азии — Казахстан, Кыргызия, Узбекистан, где расположены многотысячные уйгурские анклав, руководствуются в своей национальной политике интересами собственного стратегического партнерства с КНР.

В свою очередь Саудовская Аравия, Египет, Иран, Афганистан начали проявлять настойчивый интерес к единоверцам-уйгурам, обитающим на постсоветском пространстве.

Участие России в ТКС уйгурского национализма опосредовано ее стратегиями и интересами в странах Центральной и Средней Азии и ее позицией как члена ШОС. Прекращение благодаря усилиям стран — участниц ШОС экстремистских вылазок уйгурской диаспоры в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане, — один из конструктивных результатов деятельности этой организации и, в частности, России.

Однако можно прогнозировать, что давление стран Организации Исламской Конференции (ОИК) на Казахстан и Кыргызстан способно затруднить выполнение конвенций и хартий ШОС по уйгурскому вопросу и по проблеме спорных приграничных территорий с КНР. Такому развитию ситуации Россия могла бы противопоставить дополнительные меры по усилению своего влияния в Центральной и Средней Азии.

Участие США в ТКС уйгурского национализма вплоть до начала 2000-х гг. определялось перспективой этнорелигиозной консолидации уйгурской диаспоры, заряженной серьезным экстремистским потенциалом. Но ввиду неопределенности такой перспективы участие США оказывалось спорадическим и ограничивалось включением уйгурского вопроса в репертуар деятельности двух международных организаций: Amnesty International (AI) и Unrepresented Nations and People's Organization (UNPO). Однако обе они, хорошо приспособленные к условиям биполярного мира (непроницаемости национальных границ и эффективности международного права) были не способны обеспечить «стигматическую» рекламу, необходимую уйгурской диаспоре в контексте развернувшейся глобализации. Вспышки насилия в СУАР, следовавшие одна за другой на протяжении 1990-х гг., не находили должного отклика ни в западных СМИ, ни в международной публичности. В ситуации мультиполярного мира и выхода КНР на поли-

тическую авансцену международные дайджесты AI и UNPO о притеснениях синьцзянских уйгуров и геноциде в СУАР едва ли могли кого-либо заинтересовать. Столь же неактуальным для глобальной публичности оказалось избрание в 1999 г. на должность главы UNPO лидера уйгурского движения Э. Альптекина.

В своих расчетах по геополитическому использованию «уйгурского вопроса» либерально-демократический Запад оказался заложником собственных успехов в холодной войне и в последующей борьбе с международным терроризмом и исламским экстремизмом. Распад СССР повлек за собой и развал прежних коалиций — применительно к уйгурскому проекту это отозвалось отказом Турции от активного возвращивания на своей территории политически конфликтного суннитно-уйгурского анклава. В срочном порядке уйгурские головные организации передислоцировались из Турции в США и Германию, которые тем самым обнажили свои позиции по уйгурскому вопросу.

Провозгласив в конце 1990-х гг. исламский экстремизм новым «врагом» демократий и мира в глобальном масштабе, США уже не имели резерва респектабельной риторики для прикрытия этнорелигиозного экстремизма уйгурской диаспоры. Международный консенсус по вопросу о квалификации головных уйгурских НГО в качестве террористических расколол солидарность уйгурской диаспоры и вызвал конфликтное противостояние анклавов в связи с обсуждением перспективных стратегий функционирования сети. Уйгурские анклавы, осевшие в США, Бельгии, Германии, Австралии, Канаде, Великобритании, Швеции, а также в Турции, Саудовской Аравии, Иране, Афганистане, Египте, оказались предоставленными самим себе и правительствам указанных государств. Уйгурские анклавы в этой ситуации не имели какой-либо эффективной связи друг с другом, единого руководства и планирования, а главное — общей цели.

С 2004 г. уйгурский проект вновь попадает в зону пристального внимания США. Видные американские политологи и аналитики занялись системным исследованием «уйгурского вопроса». Главную причину, тормозившую его продвижение на уровень глобальной публичности, ученые и аналитики усматривали в несостоятельности идеи консолидировать рыхлую уйгурскую диаспору под лозунгом вооруженной борьбы за национальную независимость Восточного Туркестана и сближения с радикальными исламскими организациями на Ближнем и Среднем Востоке.

Но в 2005 г. впервые было выдвинуто предложение структурировать уйгурскую диаспору по аналогии с ТКС тибетского буддизма, но при этом не в качестве этнорелигиозной, а в качестве правозащитной — ориентированной на транснациональную борьбу за права и свободы национальных меньшинств. Иными словами, уйгурский национализм предлагалось преподнести мировому общественному мнению в привлекательной упаковке «стигматической» (то есть израненной и кровоточащей) этнической идентичности.

США и страны Запада были вынуждены отказаться от открытой поддержки экстремистских сил в уйгурской диаспоре. В результате конфронтация созданного

в Вашингтоне «Правительства в изгнании Восточно-Туркестанской Республики» (ПИВТР) и созданного в Мюнхене «Всемирного Уйгурского Конгресса» (ВУК) увенчалась полной дискредитацией ПИВТР в глазах западных правозащитных организаций и его последующим расколом.

Отмечу, что ПИВТР отстаивало интересы экстремистски настроенной части уйгурской диаспоры, в то время как ВУК был ориентирован на изменение идеологии диаспоры. ВУК объединил в себе силы Восточно-Туркестанского Национального Конгресса, располагавшего огромным опытом неудач в борьбе за национальную независимость, и Мирового Конгресса Уйгурской Молодежи. Главной целью собственной деятельности ВУК провозгласил борьбу за демократию и этнокультурное самоопределение уйгуров, что выглядело приемлемым с позиций либерально-демократической системы ценностей.

Обеспечение политической рекламы ВУК в международных и западных СМИ, то есть его презентация в пространстве глобальной публичности, являлось рубежным событием уйгурского проекта. И это становится абсолютно очевидным, если не упускать из вида тот факт, что ВУК, позиционирующий себя как международное этническое НГО, выступил де факто в роли правительства в изгнании.

Поскольку реструктуризация деятельности уйгурской диаспоры приводилась по модели, отработанной в ТКС тибетского буддизма, требовался духовный лидер, сходный по своему международному авторитету с Далай-ламой XIV.

Решающий вклад в поиски лидера внесли США, добившиеся от Пекина в марте 2005 г. передачи им политической узницы Рабии Кадир, в недалеком прошлом успешной предпринимательницы, слывшей самой богатой женщиной КНР. Ее муж к тому времени уже несколько лет проживал в США, а она была осуждена как пособница в иностранном шпионаже.

В течение последующих четырех лет Рабию Кадир, спешно обученную английскому языку, доводили до необходимых лидеру кондиций. Рабию Кадир внешне оформили в соответствии с имиджем традиционной уйгурской женщины (туго заплетенные косички и тибетейка сделали атрибутами ее масс-медийного облика), представили в правительственных кругах тех стран, где имеются анклавы беженцев, номинировали (хотя и безуспешно) на Нобелевскую премию мира. И наконец эта немолодая родительница 11-ти детей прочно закрепилась в пространстве глобальной публичности как «мать всего уйгурского народа».

В 2009 г. Рабия Кадир сделалась неременной спутницей Далай-ламы XIV на всех крупных международных правозащитных мероприятиях и конференциях. В своем стендовом докладе об июльских событиях в Урумчи, состоявшемся в сентябре 2009 г. на заседании Комиссии по правам человека Европарламента в Брюсселе, она упорно акцентировала аналогию между «борьбой и тяготами» уйгурского и тибетского народов в КНР, между собой и Далай-ламой XIV. В Праге 11 сентября 2009 г. на организованной пятью Нобелевскими лауреатами конференции «Мир, демократия и права человека в Азии» Далай-лама XIV и Рабия Кадир выступили содокладчиками по теме «Дипломатическое и мирное урегу-

лирование этно-конфликтов в автономных районах КНР». Одновременно в западных СМИ волнения 5 июля 2009 г. в Урумчи преподносятся мировой ответственности как логическое продолжение событий марта 2008 г. в ТАР. А на сайтах уйгурских НГО появилась рубрика, посвященная мониторингу «тибетской проблемы».

Заинтересованное участие США в возгонке нового формата ТКС уйгурского национализма прослеживается не только в ударной возгонке Рабии Кабир как лидера диаспоры и главы ВУК, но и в деятельности по налаживанию теснейших контактов между диаспорой и различными НГО в защиту уйгурской культуры и религии. Так, с подачи Вашингтона в мае 2009 г. осуществилось проведение III Всемирного Уйгурского курултая в здании Конгресса США. В этом мероприятии приняли участие представители 20 стран, где компактно проживают уйгурские беженцы и их потомки. Одним из ключевых событий, сопровождавших курултай, стал санкционированный протестный митинг у посольства КНР. Достойн внимания и тот факт, что именно радиостанция «Голос Америки» выступила тем единственным источником, который широко анонсировал заседания курултая и протестный митинг.

Анализ процесса сближения ТКС тибетского буддизма и ТКС уйгурского национализма показывает, что реструктуризация деятельности уйгурской диаспоры в правозащитном формате вовсе не означает отказа основных участников сети от провоцирования этнических и этнорелигиозных конфликтов в Центральной Азии. Более того, сближение двух противоположных по своей сущности этносообществ — радикально настроенного исламского и демократически позиционирующего себя буддийского — может иметь своим результатом умножение очагов по типу цепной реакции.

В своем новом правозащитном формате уйгурский проект вполне способен инициировать волны конфликтов в Средней и Южной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Консолидация усилий ТКС тибетского буддизма и ТКС уйгурского национализма может быть чревата синхронизацией волнений в ТАР, СУАР, Казахстане, Киргизии и Узбекистане.

В заключение хочу подчеркнуть, что транснациональный подход к анализу этнорелигиозных конфликтов позволяет осуществлять комплексный мониторинг узлов геополитического соперничества в мультиполярном мире. Выявление транснациональных коммуникативных сетей, их участников и векторов активности открывает перспективу обоснованного прогнозирования потенциальных очагов конфликтности на политической карте мира и, соответственно — планирования конструктивного международного сотрудничества.